

ФУНКЦИИ ОБРАЗА РЕБЕНКА В РОМАНАХ «ВРАТА АДА» Л. ГОДЕ И «ТАНАТОНАВТЫ» Б. ВЕРБЕРА

В статье анализируются функции детских образов в романах современных французских писателей Лорана Годе («Врата ада») и Бернара Вербера («Танатонавты»). В отличие от большинства модернистских и постмодернистских романов, в которых изображены обездоленные дети за пределами социокультурного пространства своего времени, в исследуемых произведениях образ ребёнка предстаёт в новом свете. Образ ребёнка становится компонентом реализации авторами античного мифа об Орфее и Эвридику.

Ключевые слова: Франция, Л. Годе, Б. Вербер, образ ребёнка, миф про Орфея и Эвридику.

У статті аналізуються функції дитячих образів у романах сучасних французьких письменників Лорана Годе («Ворота пекла») та Бернара Вербера («Танатонавти»). На противагу більшості модерністських та постмодерністських романів, в яких зображуються знедолені діти поза межами соціокультурного простору доби, в досліджуваних творах образ дитини постає у новому ракурсі. Образ дитини стає компонентом реалізації авторами античного міфу про Орфея та Еврідіку.

Ключові слова: Франція, Л. Годе, Б. Вербер, образ дитини, миф про Орфея та Еврідіку.

In the article we analyse functions of the images of children in the novels by contemporary French writers Laurent Gaude (The Gate of Hell) and Bernard Werber (The Thanatonauts). Unlike most modernistic and post-modernistic novels, which depict the disadvantaged, marginalized children, in the works being studied the image of a child appears as an element of the transformed antique myth about Orpheus and Eurydic.

Key words: France, Laurent Gaude, Bernard Werber, archetypical image of a child, myth about Orpheus and Eurydic.

Последняя треть XX века ознаменовалась подведением итогов во всех сферах жизнедеятельности человека. Осмысляя на исходе второго тысячелетия достижения и провалы целого века, мыслители и учёные приходят к выводу, что «человек не успевает за человечеством» [7]. Кратковременность земной жизни по сравнению с ее нескончаемостью во вселенских масштабах, информационный взрыв, стремительное развитие науки, дифференцированное сознание человека, десакрализация действительности, нивелирование почти всех институтов семьи и брака и многое другое дают право М. Эпштейну констатировать, что современная цивилизация – это «цивилизация протезов». Осознание проблем – это уже первый шаг на пути их решения.

Литература всегда остро реагировала на действительность, соответственно вскрывала все зияния в картине мира современного общества. Животрепещущие проблемы отношений общества и индивида,

их осознание, подчас интуитивное, а так же попытки восполнить существующие лакуны в картине мира – все это отражено в художественных произведениях рубежа XX-XXI веков.

Методы анализа современной литературной критики (рецептивная эстетика, интертекстуалистика, актуализированное чтение, гендерная теория, постколониальная критика и прочие) наряду с традиционными методами изучения текста плюс актуальные исследования в области социологии, психологии, философии позволяют осмыслить специфику художественного текста и причины использования определённых тем, мотивов, образов, приёмов в литературе при синхронном срезе.

Объектом анализа в данной статье являются романы современных французских писателей Лорана Годе («Врата ада») и Бернара Вербера («Танатонавты»). *Предмет исследования* – образ ребёнка в этих произведениях. *Цель работы* – определить функции, которые выполняет образ ребёнка в романах, и

выявить причины обращения к детским образам у обоих писателей.

Образ ребёнка становится одним из центральных в западноевропейской литературе уже в эпоху Просвещения и не покидает художественные просторы до сегодняшнего дня. Художественно-педагогические романы просветителей впервые представляют ребёнка структурным элементом общества, а в его правильном воспитании видится задача создания здорового, гармоничного общества. В XIX веке детство рассматривается уже в контексте интереса художника к собственному «я». XX век с его мировыми катаклизмами и войнами выводит на авансцену образы обездоленных детей, лишённых родительской и общественной заботы, брошенных на произвол судьбы и вынужденных самостоятельно сражаться со всем миром. Эту традицию продолжают и французские писатели второй половины XX – начала XXI веков, такие как Ян Кеффалек («Варварская свадьба»), Жорж Перек («W или Воспоминания детства»), Эрве Базен («Гадюка в кулаке»), Натали Саррот («Детство») и многие другие. Однако в этих романах о детях акцент смещается со взаимоотношений ребёнка и враждебно настроенного общества на внутрисемейные отношения.

Такая общая тенденция в изображении детей в прозе современных французских авторов актуализирует существующие общественные проблемы, связанные с нивелированием семейных институций и психопатологическими последствиями детских душевных травм.

Романы «Врага ада» и «Танатонавты» не являются ни литературой для детей, ни литературой о детях. Однако образы детей, возникающие в тексте, являются ключевыми в решении основного конфликта. Поэтому данное исследование *актуально* для определения функций детских образов, которые существенно меняются при сравнении с произведениями-предшественниками.

В обоих романах образ ребёнка возникает при авторской интерпретации мифа об Орфее и Эвридике. Во «Вратах ада» Маттео (Орфей) после гибели сына Пиппо (Эвридика) спускается в подземное царство, чтобы вернуть малыша с того света. Это ему удаётся, но сам он при этом вынужден остаться в Царстве Аида (наказание за нарушение миропорядка). Вновь рождённый Пиппо вырастает, мстит своему убийце и отправляется в иномиренное путешествие, чтобы вернуть отца.

В романе «Танатонавты» главный герой Мишель (Орфей) так же трагично потерял свою жену Розу (Эвридику) и сумел вернуть ее в этот мир с Континента Мёртвых. Переосмыслив свое земное существование, герои по возвращению заводят ребёнка. Однако Мишель в подземном царстве узнает о том, что Роза не предназначена ему судьбой, и находит свою истинную возлюбленную. Муки совести героя, решившего отдаться новым чувствам, прекращает их ребёнок, который одним своим появлением в нужный момент возвращает Мишеля в лоно семьи и придаёт смысл жизни Мишелю и Розе, возрождая их отношения.

В обоих романах образы детей не прописаны. О детстве Пиппо до его смерти в восьмилетнем возрасте

почти ничего не говорится. После возвращения его на землю вскользь упоминается о том, что воспитан ребёнок был священником доном Мадзеротти и стареющей проституткой-трансвеститом Грейс, заменившими Пиппо родителей. Образ ребёнка Розы и Мишеля также представлен в общих чертах в нескольких эпизодах.

Однако само появление образов детей в современном мифотворчестве при интерпретации и трансформации исходного мифа об Орфее и Эвридике позволяет исследователю сделать ряд наблюдений о социокультурных кодах писателей (реципиентов античного мифа) и психологических предпосылках обращения к архетипному образу «божественного ребёнка».

Так, и в «Танатонавтах», и во «Вратах ада» появление образа ребёнка не случайно и связано с несколькими моментами.

Во-первых, последние социологические исследования демонстрируют макроисторические тенденции к маргинализации роли отца в жизни ребёнка [3]. Феминизация, однополые браки, равноправие мужчин и женщин, при котором последние становятся подчас основным источником доходов в семье, десакрализация семьи в принципе становятся угрозой для патриархального строя. В обоих романах, написанных мужчинами, прослеживается подсознательная попытка вернуть мужчине его исконные права главы семьи, кормильца, добытчика, персонификации власти и примера для подражания. Во «Вратах ада» именно Маттео, отец, отправляется в потусторонний мир за сыном и жертвует собой, чтобы вернуть Пиппо к жизни. После смерти отца Пиппо воспитывает не мать, которая, дабы пережить боль, связанную с утратой ребёнка, уходит от мужа, переезжает, берет девичью фамилию и вычёркивает из памяти все, связанное с прошлой жизнью, включая мужа и ребёнка. Его растит проститутка-трансвестит Грейс – тоже мужчина, которая дарит ему всю нерастрченную любовь и заботу. Пиппо же, перебирая на себя роль отца-Орфея, решает вернуть Маттео, чтоб отблагодарить его за свою вторую жизнь. Это ещё больше укрепляет семейную связь отца с ребёнком.

В «Танатонавтах» Маттео сначала спасает жену, настаивает на рождении общего ребенка, а потом жертвует своими чувствами к другой женщине, чтобы сохранить семью и воспитать сына, как полагается, окружив его любовью, вниманием, подарив ему счастливое детство, которого не было у него самого.

В современном мифотворчестве наблюдается та же борьба матриархата и патриархата, которая прослеживается при исследовании античной мифологии в ее историческом развитии. А. Ф. Лосев замечает, что весь олимпийский цикл греческих мифов отображает победу патриархального строя над матриархатом. Афина рождается из головы Зевса при помощи Гефеста, который разрубил голову верховного бога, без участия женщины-матери в процессе воспроизведения потомства [4, с. 78]. Но, если древнейшее мифотворчество отображало становление и эволюцию человеческого мышления, то есть это был естественный процесс отражения действительности в образах, то, начиная с эпохи эллинизма и по сегодняшний день,

античные мифы находятся на службе индивидуума. Они уже не отражают, а формируют и моделируют новую картину мира. Активная рецепция античного наследия с последующей актуализацией и трансформацией первичного текста в новых произведениях заставляет миф жить в современном социокультурном контексте, а его полисемантичесность способствует актуальности мифа во все времена. В данном случае в романах Б. Вербера и Л. Годе актуализируется не столько идея возрождающей потенции любви между мужчиной и женщиной (Маттео спасает не жену, а сына; Мишель, как оказалось, вообще не любит спасенную им Розу), сколько утверждение патриархальных идей посредством обращения к героическому олимпийскому мифопродукту. А. Ф. Лосев отмечает: «Каждый отдельный миф содержит в себе элементы настоящего, рудименты своего прошлого и зерно своего будущего развития, так что каждый миф обязательно и неминуемо всегда есть определенный исторический комплекс» [4, с. 84].

Во-вторых, если обратиться к психоаналитическим студиям К. Г. Юнга, то можно выделить еще один аспект, уже подсознательный, при использовании образов детей в исследуемых романах. По мнению учёного, «мотив ребёнка репрезентует подсознательный аспект детства коллективной души» [8, с. 357] и является исходным пунктом в процессе индивидуализации человека. Архетипный образ ребенка, познующий в анализируемых произведениях, как символ «потенциального будущего» [8, с. 361], предвосхищение грядущего развития, даже если на первый взгляд кажется, что речь идет о ретроспективном изображении» [8, с. 361] «подготавливает грядущие изменения личности, антиципирует в процессе индивидуализации тот облик, который вытекает из синтеза сознательных и бессознательных элементов личности» [8, с. 361].

На рубеже XX-XXI веков, когда разрушены и утрачены все ценностные ориентиры, десакрализовано само существование человека, техноцентризм оттесняет индивида на маргиналии социокультурного континуума, требуется пересмотр существующей картины мира, дабы вернуть человеку веру в самого себя и собственные потенциальные возможности. Отсюда во «Вратах ада» и в «Танатонавтах» образы детей возникают в решающий момент, им уготована роль генератора оптимистических чаяний человечества, медиатора, объединяющего противоположности, носителя исцеления.

Пиппо, божественный ребенок из романа «Врата ада» в конце произведения находит свою настоящую мать, прощает ее и стремится вернуть отца, чтобы воссоединить семью («Я умер, Джулиана, я умер, мать, и я возвращаюсь. Со мной отец, я несу его в себе. <...>. Ты улыбаешься улыбкой древней, как мир, но в ней свет первого дня творения. <...>. Мы снова троим. <...>. В это мгновение смерть больше не существует. Нас трое, и мы живы» [2, с. 350] и «Мы здесь. Все трое.

Время словно остановилось. Потом, с изяществом и неспешностью счастливых времен, ты раскрываешь нам свои объятия» [2, с. 351]). Фредди-младший, сын Мишеля и Розы из «Танатонавтов», заходит в комнату к отцу в момент его телефонного судьбоносного разговора с Надин, его истинной любовью, предписанной ему на небесах. Своим первым словом «па-па» ребенок решает последующую судьбу их семьи («Как раз этот миг выбрал Фредди-младший, чтобы вползти в комнату с опухшим от сна лицом. <...>. Пухленькая ручка потянулась хлопнуть меня по лицу, стирая слезы, застрявшие в моей бороде. Я взял сына и понес его обратно в спальню. <...>. Я больше не хотел слышать отчаянные «алло, алло!», доносившиеся из трубки» [1, с. 430]).

Таким образом, ребенок становится символом новой жизни. Именно ему суждено воссоединить семью, возродить те моральные институты, которые будут фундаментом в формировании новой картины мира общества. Как символ объединения и преодоления противоречий образ ребенка знаменует разрешение конфликта. Если мыслить глубже, то детский образ является в романах еще и репрезентантом успешных поисков человеком своих истоков (как связующий элемент прошлого, бессознательного опыта и настоящего, осознанного). Счастливое воссоединение в лоне семьи именно благодаря ребенку мыслится исследователем как попытка провозгласить неразрывность современной эпохи и ее истоков (глубокой древности). В воссоздании модели счастливой семьи, пусть даже иногда только в фантазиях («Врата ада»), видится попытка писателей указать современному читателю на необходимость возвращения к началу начал, к синтезу накопленных знаний для гармонизации мира и создания новой мировоззренческой модели.

Осуществлённый анализ позволил выявить следующие функции детских образов в романах «Танатонавты» Б. Вербера и «Врата ада» Л. Годе. Первая функция состоит в перекодировке социокультурных кодов современности, утверждении посредством ребенка патриархального строя, демаргинализации института отцовства. Вторая функция заключается в глубинном переосмыслении отношений прошлого и настоящего, где ребенок выступает медиатором, творцом целостной, гармоничной картины мира. Как еще несформированный экзистенциал, отражающий процесс индивидуализации личности, архетипный образ ребенка способен корректировать общественное сознание и отвечает психологической современной ситуации преемственности и смены поколений, обновления и спасения. Причинами подсознательного и осознанного использования писателями образа ребенка является актуализация животрепещущих проблем современности, а реализация функций данных образов намечает пути выхода из кризиса переходной эпохи, ведь согласно мифам о детях именно ребенку предстоит стать спасителем мира в «смутные» времена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербер Б. Танатонавты / Б. Вербер ; [пер. с франц. и прим. И. В. Судакевича]. – М. : GELEOS Publishing House (Кэпитал Трейд Компани); РИПОЛ Классик, 2011. – 512 с.
2. Годе Л. Врата Ада : [роман] / Лоран Годе ; [пер. с фр. Е. Д. Мурашкинцевой]. – М. : Астрель; АСТ ; Владимир: ВКТ, 2010. – 250, [6] с.

3. Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива / И. С. Кон. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века).
5. Чепурна О. В. Дискурс дитини у прозі українських письменників-шістдесятників (Гр. Тютюнник, В. Близнець, Є. Гуцало) : дис. ... кандидата філол. наук : 10.01.01 / Олена Володимирівна Чепурна. – Одеса, – 2005. – 174 с.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Умберто Эко ; [пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного]. – СПб. : Симпозиум, 2005. – 502 с.
7. Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. – Режим доступа : <http://www.russ.ru/journal/travmp/98-10-08/epsht.htm>.
8. Юнг К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание / К. Г. Юнг. – М. : Олимп ; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 400 с.

© Семенец О. С., 2014

Дата надходження статті до редколегії 03.07.2014 р.